

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

«ПОМНЯТ ПСЫ-АТАМАНЫ, ПОМНЯТ ПОЛЬСКИЕ ПАНЫ...»

Почему побеждала Красная армия?

Более десяти лет архивного изучения последнего периода существования старой русской армии и антибольшевистского лагеря Гражданской войны, как и несколько лет аналогичных изысканий в отношении истории РККА эпохи Гражданской войны, не могли не вывести меня на путь всестороннего сопоставления военной политики белых и красных, ведь только в сравнении становятся понятными причины исхода Гражданской войны. Результат превзошёл ожидания, открыв без преувеличения исполинскую мощь Красной армии — той вооружённой силы, которая далеко не случайно победила внутреннюю контрреволюцию на всех фронтах, однако так и не смогла силой штыков осуществить экспорт революции за пределы бывшей Российской империи. Почему же побеждала Красная армия? И почему вынуждена была остановиться?

ВОЖДИ

Во главе белых армий стояли в основном старшие офицеры и генералитет старой армии. Красные тоже сумели привлечь в свои ряды дореволюционный командный состав, однако обоснованно никогда ему не доверяли всей полноты военной власти, не говоря о власти политической. Военной политикой Советской России руководили сами большевики, а не их военные специалисты. Как показала практика Гражданской войны, большевики оказались лучшими организаторами по сравнению со старым офицерством, которому традиционно были присущи отсутствие инициативы, инертность и следование шаблонам. Генштаба полковник А. А. фон Лампе писал о генерале А. И. Деникине: «Хотя Деникин и очень порядочный человек, но не-

И. Э. Грабарь. В. И. Ленин у прямого провода.
1933 г.

сомненно узкий и никакого государственного масштаба не имеет... это не диктатор и не повелитель, это честный исполнитель, хотя бы и своих собственных решений, но и только»¹. В Красной армии над такими честными исполнителями, даже на уровне высшего комсостава, стояло более чем энергичное политическое руководство, которое успешно занималось координацией политических и военных задач и подталкивало военспецов к активной работе. Политическое руководство белого лагеря было представлено деятелями либерального и эсеровского толка, оказавшимися ещё по опыту 1917 года абсолютно неспособными к созидательной государственной работе в условиях кризиса и обладавшими сомнительной репутацией в глазах офицерского корпуса².

Большевики тоже неоднозначно воспри-

нимались офицерством, но при этом многие представители первого эшелона компартии за время Гражданской войны проявили выдающиеся организационные способности и недюжинную энергичность, чего нельзя сказать о политической элите их противников. Деятельность военного и гражданских ведомств Советской России с 30 ноября 1918 года координировал Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным. Не имея опыта государственного управления, Ленин сумел обеспечить удержание власти в своих руках и подавить оппозицию в партийной верхушке, определял стратегическое развитие государства и его армии на длительную перспективу, наладил стабильную работу центрального аппарата управле-

ния, способствовал успешной организации советского тыла. Стоявший во главе Реввоенсовета Республики (РВСР) и Наркомата по военным и морским делам Л. Д. Троцкий, не будучи военным специалистом, сумел фактически с нуля организовать Красную армию, превратив её в эффективную и мощную вооружённую силу. Член ЦК и член РВСР И. В. Сталин выправлял положение на проблемных фронтах, требовавших немедленного вмешательства и принятия чрезвычайных мер, внёс вклад в боевое обеспечение РККА. «Профессиональный революционер» А. И. Рыков на постах чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению РККА и председателя ВСНХ сыграл крупную роль в организации продовольственного обеспечения армии, в деле национализации, централизации и налаживания работы советской военной промышленности. При этом аппарат чрезвычайного уполномоченного к 1921 году насчитывал всего около 500 человек³.

Вот как характеризовал Рыкова резко антибольшевистски настроенный невооружённый, бывший заместитель наркома внешней торговли Г. А. Соломон (Исецкий): «Рыков, во всяком случае, представляет собой крупную фигуру в советском строе... считаю его человеком крупным, обладающим настоящим государственным умом и взглядом. Он понимает, что время революционного напора прошло. Он понимает, что давно уже настала пора сказать этому напору «остановись!» и приступить к настоящему строительству жизни... Человек очень умный и широко образованный, с *положительным мышлением*, он в Советской России не ко двору...»⁴

Обратимся к оценкам, которые давали советскому руководству офицеры русской армии — люди, не испытывавшие к ним никакого пиетета, уважение которых большевикам нужно было ещё завоевать. Интересно наблюдение из дневника фон Лампе от 31 мая 1920 года: «В Трапезунде кричат: «Да здравствует Ленин, Энвер и Талаат!» Люди сумели распространить своё влияние и на Азию! Я нахожу, что в интенсивности работы мы, старый господствующий класс, оказались совершенно неспособными!»⁵ Такое признание со стороны врага дорогого стоит.

Советский главком, бывший Генштаба полковник С. С. Каменев дал оценку высшего звена политработников РККА периода Гражданской войны: «Исключительный подбор членов РВС фронтов, армий и комиссаров дивизий и частей положительно бросался в глаза. Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной армии, и Владимир Ильич знал каждого из них.

Ближе я знал членов РВС фронта и армий, почему мои впечатления складывались главным образом по этим товарищам.

Нарком по военным и морским делам
Л. Д. Троцкий.

Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искушённого в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекальности — они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Можно было бы привести тысячи примеров, подтверждающих сказанное. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позднее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками. Очень многие комиссары частей заняли посты командиров этих частей и были прекрасными командирами»⁶. И хотя за этой высокой оценкой вполне могло скрываться стремление польстить большевистской верхушке, факт остаётся фактом.

Удивительно похожую оценку командовавшему войсками Московского военного округа большевику Н. И. Муралову дал бывший генерал В. К. Гондель: «Как в первый, так и во все последующие мои доклады Муралову, я удивлялся, как этот, совершенно не военный человек, быстро разбирался в специально хозяйственно-административных вопросах, быстро давал им правильную оценку и делал краткое, энергичное и верное резюме»⁷. Эти свидетельства не могут не привести к выводу о выдающихся организационных способностях и серьёзном интеллектуальном потенциале высшего военно-политического руководства красных.

Аналогично выглядит характеристика М. В. Фрунзе его многолетним соратником, бывшим Генштаба генерал-майором Ф. Ф. Новицким. По мнению Новицкого, Фрунзе «обладал удивительной способностью быстро разбираться в самых сложных и новых для него вопросах, отделять в них

существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями каждого. Он умел и подбирать людей, как бы чутьем угадывая, кто на что способен...»⁸

Важнейшим фактором победы большевиков было, с одной стороны, их внутреннее единство (единый военно-политический центр и, несмотря на отдельные разногласия, единство партийной доктрины, а также установленное декретом от 1 июня 1919 года военное и хозяйственное единство советских республик, позволявшее интегрировать в эту систему новых союзников). Подобного единства не было в антибольшевистском лагере, погрязшем во внутренних конфликтах и противоречиях. С другой стороны, на победу работала способность большевиков идти на компромиссы и временные союзы даже с враждебными силами. Например, такой временный союз у большевиков существовал с анархистами «комбрига», как его именовали в РККА, Н. И. Махно, которых красное командование безуспешно пыталось весной 1919 года инкорпорировать в Красную армию путём введения твёрдой дисциплины (достичь этого Троцкий рассчитывал путём присылки в «анархистские банды» махновцев отрядов партработников, чекистов, матросов и рабочих)⁹. Аналогичный союз красные были готовы заключить в конце 1919 года даже с лидером украинских националистов С. Петлюрой¹⁰. Военно-политический союз красные заключили и с башкирскими националистами, позднее лишив их самостоятельности и упразднив башкирскую армию¹¹. На протесты башкирского лидера А.-З. Валидова Ленин ответил: «Договор, подписанный с вами, никого ни к чему не обязывает — это просто клочок бумаги... Не к лицу вам спорить о бумаге, которая некогда вынужденно была подписана...»¹² Даже если эти слова позднее приписал Ленину сам башкирский лидер, они достаточно точно отражают отношение большевиков к своим временным попутчикам.

Сильной стороной Троцкого как вождя Красной армии, несмотря на отсутствие у него военного образования, было чёткое понимание стратегии Гражданской войны. В этом вопросе он значительно превосходил даже старых военных специалистов с академическим образованием, которые плохо понимали социальную природу той войны. Это превосходство Троцкого особенно ярко проявилось в ходе дискуссии о советской стратегии на Южном фронте летом–осенью 1919 года, когда главком Каменев спланировал нанесение главного удара при наступлении через казачьи районы, где красные столкнулись с ожесточённым сопротивлением местного населения. Тем временем белые добились значительных успехов на главном для них курском направлении чем поставили

Заместитель наркома по военным и морским делам Э. М. Склянский. 1924 г.
Архив А. И. Сорокина. РГАКФД.

под угрозу само существование Советской России. Идея Троцкого заключалась в том, чтобы отделить казаков от добровольцев путём нанесения главного удара именно на курско-воронежском направлении. Однако тогда партийное руководство его не поддержало¹³. В конце концов РККА перешла к реализации плана Троцкого, но это произошло лишь после нескольких месяцев бесплодных попыток воплотить в жизнь идею Каменева.

На угрожаемые участки фронта в годы Гражданской войны регулярно отправлялись высшие партийные руководители, не исключая членов политбюро ЦК, например, Троцкого и Сталина. Обычно эти меры давали положительный результат, особенно в случае Троцкого, который показал себя талантливым организатором, понимавшим природу Гражданской войны и методы управления в её условиях, а также человеком, умевшим находить общий язык с военспецами.

В чём был смысл подобных командировок, притом что на этих фронтах и так имелись свои военные и политические руководители? Чрезвычайные комиссары ЦК выполняли функции прямого управления на местах, которое является отечественной исторической традицией. Троцкий позднее вспоминал о своих поездках на фронты: «Оглядываясь на три года гражданской войны и просматривая журнал непрерывных своих поездок по фронту, я вижу, что мне почти не пришлось сопровождать победоносную армию, участвовать в наступлении, непосредственно делить с армией её успехи. Мои поездки не имели праздничного характера. Я выезжал только на неблагоприятные участки, когда неприятель прорывал фронт и гнал перед собою наши полки. Я отступал с войсками, но никогда не наступал с ними. Как только разбитые дивизии приводились в порядок и командование давало сигнал к наступлению, я прощался с армией для другого неблагоприятного участка или возвращался

на несколько дней в Москву, чтоб разрешить накопившиеся вопросы в центре»¹⁴.

«Конечно, этот метод нельзя назвать правильным, — отмечал Троцкий в другой своей работе. — Педант скажет, что в снабжении, как и во всём вообще военном деле, важнее всего система. Это правильно. Я сам склонен грешить скорее в сторону педантизма. Но дело в том, что мы не хотели погибнуть прежде, чем нам удастся создать стройную систему. Вот почему мы вынуждены были, особенно в первый период, заменять систему импровизациями, чтобы на них можно было в дальнейшем опереть систему»¹⁵.

Например, чем занимался Троцкий в период обороны Петрограда осенью 1919 года? Документы свидетельствуют о том, что он обеспечивал своим авторитетом поставку всего необходимого для оборонявшейся «колыбель революции» 7-й армии, то бишь занимался проблемами снабжения армии, решал кадровые вопросы, осуществлял стратегическое планирование (например, выдвинул весьма дельные предложения по превращению Петрограда в неприступную крепость¹⁶ или заблаговременно поднял вопрос о перспективах отношений с эстонцами при разгроме армии Н. Н. Юденича и отходе её в Эстонию) и общее верховное управление, а также наставлял военное и политическое руководство и, как отмечал сам Лев Давидович, давал «толчок инициативе фронта и ближайшего тыла»¹⁷. Помимо этого Троцкий со свойственной ему кипучей энергией проводил митинги, произносил речи, писал статьи. Польза от его присутствия в Петрограде была несомненной.

Сам председатель РВСР писал о достижениях первых дней под Петроградом: «Командный состав, втянувшийся в неудачи, пришлось перетряхнуть, освежить, обновить.

Ещё большие перемены произведены были в комиссарском составе. Все части укреплялись изнутри коммунистами. Прибывали и отдельные свежие части. На передовые позиции выброшены были военные школы. В два-три дня удалось подтянуть совсем опустившийся аппарат снабжения. Красноармеец плотнее поел, сменил бельё, переобулся, выслушал речь, встряхнулся, подтянулся и — стал другим»¹⁸.

Любопытно, что уже в это время Троцкий выработал универсальную формулу побед в Гражданской войне. 16 октября 1919 года он писал бывшему генералу Д. Н. Надёжному, которому было поручено командование 7-й армией: «Как всегда в подобных случаях, мы и на этот раз достигнем необходимого перелома при помощи мер организационного, агитационного и карательного характера»¹⁹. Подобные суждения свидетельствуют о глубоком понимании Троцким методов достижения успеха в боевых операциях Гражданской войны. Хотя Троцкий в этой фразе несколько упростил слагаемые военного успеха красных, попробуем комплексно рассмотреть, что же они собой представляли.

ОРГАНИЗАЦИЯ

Основными принципами, приведшими большевиков к военному успеху в Гражданской войне, были системность, масштабность и строгая централизация. Несмотря на исключения, только подтверждавшие правило, эти принципы у большевиков касались практически всех военных и связанных с ними вопросов.

Важным преимуществом нового режима стала возможность опереться на готовый аппарат управления старой армии. Так, например, штаб Высшего военного совета активно пополняли бывшие чины Ставки Верховного главнокомандующего, а позднее на основе штаба совета возник Полевой штаб РВСР. Фронтовые и армейские штабы старой армии использовались большевиками при формировании управлений военных округов²⁰. Конечно, бюрократизация большевистского военного аппарата была немалой (штат одного только Всероссийского главного штаба к 15 сентября 1920 года предусматривал 4247 сотрудников²¹, к 1 января 1922-го штатный состав центральных органов военного управления включал уже 12 583 должности, а окружные управления предусматривали ещё 31 492 должности²²), однако, например, создание параллельных структур, таких как Полевой штаб РВСР и Всероссийский главный штаб, имело свои преимущества. Первый сосредотачивался на работе фронта, а второй — на военном строительстве в тылу.

Как известно, эскалация Гражданской войны привела к отказу от добровольческих начал формирования РККА и принципов

партизанства, чем был положен камень в основание будущей победы в Гражданской войне. Уже в начале июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов постановил, что каждый гражданин в возрасте от 18 до 40 лет должен защищать Советскую Россию. После этого фактически началось формирование массовой Красной армии. Весной 1918-го в Советской России появились военные округа. Первоначально их было семь, а по мере расширения территории к сентябрю 1920 года стало двенадцать. Летом 1918-го большевики ещё не пришли к жёсткой централизации в военных вопросах, в том числе в вопросе мобилизации, что вело к хаосу из-за самочинных действий местных властей.

За период с июля по ноябрь 1918 года была налажена работа местных военных комиссариатов (до 7000 волостных, 385 уездных, 39 губернских и 7 окружных²³). Но первых настоящих успехов в военном строительстве удалось добиться лишь к концу 1918 года, когда РККА включала уже 13 полевых армий, а на фронтах действовали 42 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии²⁴. Наличие в дивизиях таких единиц, как стрелковые бригады, повышало оперативные возможности красных. Серьёзным испытанием новой системы стало отражение наступления колчаковских армий на Восточном фронте весной 1919-го. За период с 1 апреля по 15 мая 1919 года Восточный фронт получил около 50 000 бойцов, что предопределило разгром белых на этом направлении.

Думается, именно возможность долгосрочного стратегического планирования в вопросах военного строительства (элемент той же системности) стала ещё одним из

главнейших преимуществ большевиков. Фактически плановый подход большевиками практиковался и в военном деле, что не могло не приносить результата. Уже весной 1918 года было намечено развёртывание армии в 1 млн человек²⁵, что было достигнуто к февралю 1919-го, а в конце 1918 года председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский с уверенностью озвучил ленинский лозунг, выдвинутый осенью 1918-го, о необходимости трёхмиллионной Красной армии²⁶. И эта цель через год была достигнута. Фактически в 1918–1920 годах у красных была полная возможность последовательно реализовывать заранее намеченные планы развития армии и военной промышленности. У белых, прежде всего из-за внутренних неурядиц и разногласий, особенно 1918 года, последовательное долгосрочное планирование было практически неосуществимым.

В среднем РККА получала ежемесячно на пике Гражданской войны (весна — осень 1919-го) по 130 000 бойцов²⁷. Эта цифра вполне сопоставима с общей численностью войск Деникина или Колчака. Всего с 15 мая по 1 октября 1919 года в действующую армию по документам Всероссийского главного штаба было отправлено около 585 000 человек²⁸. Как отмечал главком Каменев, в советском военно-политическом руководстве существовало «твёрдое желание перейти в деле формирований от кустарных приёмов к более организованным, скажем, «фабричным»²⁹. Иными словами, речь шла о постановке вопроса о пополнениях

на поток. И большевики в этом преуспели. Неудивительно, что один из деникинских офицеров вспоминал о событиях февраля 1920-го: «Несметные полчища конницы и пехоты начали атаковать наши позиции, и ввиду слабости наших сил и очень ограниченного количества бойцов нам пришлось отступать дальше»³⁰.

Подготовка запасных войск и пополнений в РККА также была возведена в систему. Первоначально запасные части создавались непосредственно при дивизиях. Параллельно велась работа по их формированию в военных округах. Однако из 11 стрелковых дивизий, формирование которых началось летом 1918 года, к концу года в распоряжении главного командования оставалось только три³¹, остальные растаяли в боях. В марте 1919-го в военных округах были сформированы управления запасных войск. В Поволжье в августе 1919 года была развёрнута запасная армия, отправившая в действующую армию 2 стрелковых и 2 кавалерийских дивизии, 26 стрелковых и 4 кавалерийских бригады, 4 стрелковых и 16 кавалерийских полков, 30 эскадронов, 20 артдивизионов, 17 батарей, свыше 200 маршевых батальонов, 12 пулемётных команд, авиаотряд, понтонный батальон. В среднем через запасную армию прошло 34 процента всех пополнений³². Помимо подготовки запасных частей эта армия занималась также подавлением беспорядков в тылу³³. Запасные армии вскоре стали создаваться при фронтах (всего четыре). В июле 1920-го началось формирование запасных бригад. Белым до такой системности было очень далеко.

На протяжении 1918–1920 годов Красная

Смотр 1-го Московско-Саратовского полка
Л. Д. Троцкий. 1918 г. РГАКФД.

армия постепенно крепла и усиливалась. В октябре 1918-го большевики могли выставить 30 пехотных дивизий, а в сентябре 1919-го — уже 62. В начале 1919 года имелось только 3 кавалерийских дивизии, а в конце 1920-го — уже 22. Весной 1919 года армия насчитывала порядка 440 000 штыков и сабель при 2000 орудий и 7200 пулемётах только в боевых частях³⁴, а общая численность превысила 1,5 млн человек. Тогда было достигнуто превосходство в силах над белыми, которое с каждым днём всё увеличивалось. К концу 1919 года РККА включала уже 17 армий. К осени 1920 года в ней было разработано 29 различных уставов, ещё 28 находились в работе.

При этом Троцкий отмечал, что «создать крепкую армию нельзя с налёту. Затыкая и штопая дыры на фронте, делу не поможешь. Переброска отдельных коммунистов и коммунистических отрядов в наиболее опасные места может только на время улучшить положение. Спасение одно: **преобразовать, реорганизовать, воспитать армию путём упорной, настойчивой работы, начиная с основной ячейки, с роты, и, поднимаясь выше через батальон, полк, дивизию; наладить правильное снабжение, правильное распределение коммунистических сил, правильные взаимоотношения командного состава и комиссаров, обеспечить строгую исполнительность и безусловную добросовестность в донесениях** (выделено в документе. — А. Г.)»³⁵.

Таким образом, секрет успеха Троцкого заключался далеко не только в количестве штыков. Росло и качество армии, приобретшей обширный боевой опыт, крепла дисциплина. Бывший офицер Н. В. Воронович вспоминал о событиях 1920-го в районе Сочи: «Впервые после 1918 года я увидел красноармейцев и был поражён их дисциплинированностью и военной выправкой, так резко отличавшей их от прежних разнузданных, необученных и наводивших страх даже на самих комиссаров, солдат красной гвардии.

Через некоторое время по приезде в Сочи я имел возможность ещё более убедиться в коренной реорганизации красной армии, которая нисколько не отличалась, а в некоторых отношениях была даже лучше организована, чем прежняя дореволюционная русская армия»³⁶.

И действительно, дореволюционные начала, особенно в дисциплине, активно насаждались в новой армии усилиями ветеранов Первой мировой, прежде всего из нижних чинов, не боявшихся, в отличие от бывших

Командующий Северной группой войск Восточного фронта бывший полковник В. И. Шорин возле стенной карты боевых действий. 1919 г. РГАКФД.

офицеров, обвинений в принадлежности к контрреволюционерам и потому не стеснявшихся в средствах. Ещё один бывший офицер, участник Белого движения П. Макушев, вспоминал о событиях 1920 года: «Я узнал, что дисциплина в Красной армии строгая, и зуботычина, каковой наградили начдив Дыбенко писаря, который говорил с ним, имея папиросу в зубах, свидетельствовала, что личность совершенно на другом плане»³⁷. Ему же принадлежит и другое интересное свидетельство: «В первое время Майкоп отличался оживлённостью и новизною ощущений: всюду плакаты, воззвания и пр., много новых лиц, по преимуществу военных. По главной улице проходит конница, бригада в полном составе. «Куда деникинской коннице до этой...», — слышу сзади в толпе голос. Оборачиваюсь и... удивлению нет границ: в говорившем узнаю одного из помощников атамана М[айкопского] отдела. Потом его и всех оставшихся офицеров забрали и отвезли в концентрационный лагерь»³⁸.

К 1 января 1920 года РККА на фронте и в тылу насчитывала 3 млн человек³⁹. К 1 октября того же года при общей численности

в 5,498 млн человек на фронтах находилось 2,361 млн человек, 391 000 — в запасных армиях, 159 000 — в трудовых армиях и 2,587 млн — в военных округах⁴⁰. На фронтах находились 85 стрелковых дивизий, 39 отдельных стрелковых бригад, 27 кавалерийских дивизий, 7 отдельных кавалерийских бригад, 294 лёгких артдивизиона, 85 гаубичных артдивизионов, 85 полевых тяжёлых артдивизионов (всего 4888 орудий разных систем)⁴¹. В 1918–1920 годах в Красную армию было призвано 6 707 588 человек⁴².

Важным преимуществом РККА была её сравнительная социальная однородность (к концу Гражданской войны, на сентябрь 1922 года, там служило 18,8% рабочих, 68% крестьян, 13,2% прочих⁴³), тогда как белые армии имели более пёстрый состав.

Большевики к осени 1919 года, несмотря на отсутствие поддержки казачества, почти полностью оказавшегося в антибольшевистском лагере, сумели создать у себя стратегическую конницу, сведённую первоначально в конный корпус, а затем и в Конную армию и ряд кавалерийских дивизий и бригад. К ноябрю 1919 года красная конница насчитывала в своих рядах уже 447 000 человек (в ноябре 1918-го — только 223 000)⁴⁴.

Мобилизованы были и командные кадры в лице десятков тысяч «классово чуждых» бывших офицеров. В ноябре 1918 года был издан приказ РВСР о призыве всех бывших обер-офицеров до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет. По итогам этого приказа РККА получила порядка 50 000 военных специалистов. Общая численность военспецов была ещё выше (к концу 1920 года — до 75 000 человек⁴⁵), но позднее стала сокращаться (в 1922-м уже только 21,5 тысячи человек⁴⁶). Привлечение большевиками в армию многомиллионной крестьянской массы, квалифицированных командных кадров, представленных десятками тысяч бывших офицеров, а также десятков тысяч политработников-коммунистов, контролировавших военспецов, предопределило успех красных. В сочетании этих трёх составляющих была сила, а не слабость новой армии. Стоит отметить, что значительной части крестьянства Красная армия казалась своей, обеспечивавшей защиту крестьянских интересов, особенно в связи с непосредственной угрозой прихода белых и возвращения помещиков⁴⁷. Многие офицеры также служили в Красной

армии идейно, уже по патриотическим соображениям борьбы с интервентами и врагами России⁴⁸. В высокой идейности самих большевиков сомневаться не приходится. В итоге крестьянство обеспечило армии массовость, офицерство — военный профессионализм, а большевики — решительность, революционный дух и политический контроль.

Особую роль в деле создания Красной армии сыграли сотни бывших офицеров Генерального штаба, служивших красным не за страх, а за совесть. По свидетельству главного И. И. Вацетиса, «среди лиц генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издёрганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон. Тем успехом, который нам удалось достичь при создании красной армии и привождении её на ратное поле мы обязаны почти исключительно тому, что мне удалось в сентябре 1918 года поставить в ряды действующей армии на ответственные штабные должности, а равно и на крупные командные посты, лиц с академическим образованием и бывших офицеров генерального штаба с большим научным и командным опытом старой армии. Без них, само собой разумеется, у нас не было бы никакой Красной армии и не было бы тех успехов, которых мы достигли.

Это необходимо признать и это колоссальнейшая заслуга бывших офицеров генерального штаба...»⁴⁹. С этой точкой зрения, делая поправку на самовосхваление Вацетиса, нельзя не согласиться.

Красные военачальники, в отличие от белых, не отвлекались на решение многочисленных вопросов, находившихся в компетенции местной гражданской администрации, а целиком сосредотачивали своё внимание на боевых операциях. Ещё одним важным преимуществом РККА была возможность выдвижения в её ряды на руководящие посты «народных полководцев» — способных военных руководителей, например, из числа бывших унтер-офицеров, что было практически невозможно в белом лагере. Эта категория командного состава была представлена такими фигурами, как В. И. Чапаев, С. М. Будённый, О. И. Городовиков, М. М. Лашевич и другие.

Но такой подход имел и свои минусы в виде невысокого образовательного ценза рекрутируемых командиров, хотя многие из них за годы Гражданской войны приобрели ценный практический опыт. К 1921 году 41,55 процента командиров всех уровней до командиров взводов включительно вовсе не имели военного образования или

же имели образование в пределах учебной команды; 26,17 процента окончили командные курсы и школы; 24,99 процента были офицерами военного времени старой армии; 3,71 процента — кадровыми офицерами старой армии; 0,28 процента окончили старую академию Генштаба и 0,11 процента — академию Генштаба РККА⁵⁰. Итак, массовая армия была создана большевиками при наличии в ней почти половины командиров без надлежащей подготовки: высококвалифицированные специалисты просто растворились в бескрайнем море комсостава, необходимого для такой армии. Справедливости ради, по тем же данным в высшем комсоставе бывшие офицеры составляли более 70 процентов общего числа командиров, в старшем комсоставе — около 58 процентов. Коммунисты в высшем комсоставе составляли 41,1 процента⁵¹.

Красные умело распоряжались и пленными белыми офицерами. После пленения такие офицеры ставились на особый учёт (местный и центральный — в штабах округов и армий и во Всероссийском главном штабе соответственно), в обязательном порядке подвергались обработке на специальных ускоренных курсах политической подготовки (каждые курсы на 1000 человек) и призывались в армию, причём во избежание проблем служить должны были не на том фронте, где попали в плен. Например,

М. Б. Греков. Удар Первой Конной под Воронежем. Октябрь 1919 г. 1927–1928 гг.

перебежчики из Северо-Западной армии Юденича в декабре 1919 года отправлялись служить на Восточный фронт⁵².

Вот что вспоминал ветеран армии А. И. Дутова полковник Н. Н. Лесевицкий, позднее попавший в РККА: «Отношение было чисто братское... Я да и все мы должны были быть и были поражены и изумлены властью зверей и насильников, какими мы представляли себе большевиков, людей, которые наслаждаются видом крови и залили ею Россию; мы встретили великодушного противника, сразу забывшего все наши вины и давшего почти каждому из нас возможность работать. Арестованы и препровождены в центр были очень немногие из нас и то исключительно люди, так или иначе причастные к контрразведке...»⁵³

Продуманностью отличались и другие меры в отношении пленных. Например, общее число бывших белых офицеров в одной части не должно было превышать 15 процентов наличного состава. Запрещалось назначать офицеров на службу в ту местность, где произошло пленение или добровольная сдача, предписывалось также избегать назначений по месту рождения или постоянного жительства⁵⁴. Особо отмечалось, что недопустимо отступать от этого принципа в отношении казаков. В течение первого года службы бывшие белые офицеры не имели права пользоваться отпуском, но в остальном обладали теми же правами, что и прочие командиры. По истечении года службы, если не происходило каких-либо эксцессов, они снимались с особого учёта и далее уже могли продолжать служить на общих основаниях.

Похожих принципов большевики старались придерживаться и в отношении рядового состава: пленные и призывники не могли служить по месту пленения или призыва, в противном случае была велика вероятность дезертирства. Перешедшая на сторону красных летом 1919 года Башкирская бригада была с этой целью направлена под Петроград. Пленных оренбургских казаков направляли на юг России, на польский и врангелевский фронты. Существовали специальные распоряжения, регламентирующие эту прописную истину, например, в отношении тех же пленных казаков. В августе 1919-го этим правилом руководствовались и местные органы военного управления, в частности на Восточном фронте. В одном из документов прямо говорилось: «Окровоенком⁵⁵ всех поступивших в его распоряжение пленных и перебежчиков направляет в ряды красной армии на любой из фронтов, за исключением того фронта, на котором совершено пленение или перебежка»⁵⁶. Трудно даже описать, сколько проблем и неудач из-за несоблюдения этих принципов испытали белые, особенно в казачьих областях.

Командующий 15-й армией бывший Генштаба подполковник Е. Н. Сергеев. РГАКФД.

Важнейшим контролирующим органом была Высшая военная инспекция. К сожалению, её обширная и разнообразная деятельность, особенно в 1918–1919 годах, когда Красная армия только зарождалась, ещё не получила должной оценки исследователей. Между тем достаточно беглого знакомства с огромным по своему объёму архивным фондом инспекции в РГВА, чтобы понять, что её работа была колоссальной и затрагивала все стороны строительства РККА. Именно благодаря Высшей военной инспекции советское военно-политическое руководство своевременно получало информацию о различных проблемах и недостатках в самых разных отраслях военного дела и могло своевременно решать эти вопросы. Высокопрофессиональной работе инспекции способствовало привлечение к работе в ней опытных и квалифицированных специалистов Генерального штаба.

Военные операции Красной армии отличались системностью. Как отмечал главком Каменев, «в войне современных больших армий для действительного разгрома противника нужна сумма непрерывных и планомерных побед на всём фронте борьбы, последовательно дополняющих одна другую и связанных между собою во времени... Наша 5-я армия была почти сведена на нет адмиралом Колчаком. Деникин произвёл чуть ли не разгром всего правого фланга Южного фронта. Врангель растрепал до последнего нашу 13-ю армию. И всё же победа осталась не за Колчаком, не за Деникиным и не за Врангелем. Победила та сторона, которой

удалось суммировать свои удары, нанося тактовые непрерывно и тем самым не позволив противнику залечить свои раны»⁵⁷.

Нужно также учитывать, что блокада Советской России и успехи Деникина и Колчака в 1919 году привели к ухудшению продовольственного положения красных и, наоборот, к улучшениям у белых. Отступление вело к потерям не только продовольствия, но и людских ресурсов, промышленности, вооружения и военной техники. Не случайно в ходе наступления силы и средства армий Деникина, несмотря на тяжёлые бои, постоянно возрастали. Тем не менее сжатая до предела советская пружина сумела распрямиться и нанести мощный удар по своим противникам. Стоило начаться отступлению, как деникинская армия и её ресурсы стали неумолимо таять. Горячий противник большевиков фон Лампе записал в дневнике осенью 1919 года о стратегии красных и белых: «У них я всё же вижу план — отход в центре и давление на фланги, а у нас решительно ничего — рви вперёд и уверяй всех, что Красная армия, дающая контрудары в стыки, развалилась»⁵⁸. К сожалению для белых, Лампе был прав: авантюристическая стратегия не могла привести к успеху, а одних чудес храбрости было недостаточно.

Наконец, именно Красная армия и стоявшие за ней большевики выступили собирателями земель бывшей Российской империи. Не случайно один из военспецов после разгрома Деникина в кругу бывших офицеров, в том числе недавних белогвардейцев, заявлял: «Нет, не деникинцы соберут русскую землю... мы соберём... Увидите, скоро пойдём за Грузией и Арменией»⁵⁹. И действительно, скоро пошли...

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК

Важнейшим преимуществом Советской России была её опора на промышленно и культурно развитый, густонаселённый центр страны. За спиной у белых была слабо развитая сеть железных дорог (особенно на севере и востоке), упиравшаяся в море. В центре было не просто больше людей — центр обладал и значительным превосходством над окраинами в квалифицированных кадрах, в том числе военных. К тому же большевики получили в своё распоряжение фактически все органы высшего управления старой армии, что сразу позволило им опереться на готовый аппарат. Также под их контролем оказалась и прифронтовая полоса, по крайней мере, Северного и Западного фронтов Первой мировой с сосредоточенными там военными запасами. Подконтрольная большевикам территория центра обладала густой сетью железных дорог, тогда как, например, Колчак опирался на единственную Транссибирскую магистраль, антибольшевистские силы на Севере России

также были вынуждены опираться на единственную ветку. Наличие развитой дорожной сети, важное в условиях манёвренной войны, позволяло большевикам действовать по внутренним операционным направлениям, осуществляя переброску сил и запасов на угрожаемые участки. Достаточно отметить, что через боевую работу на нескольких фронтах прошли 71,5 процента дивизий РККА⁶⁰. Однако недостатком центра было отсутствие топлива и сырья для промышленности, тогда как этими ресурсами как раз были богаты контролирувавшиеся антибольшевистскими силами окраины.

При таких условиях вопрос снабжения РККА всем необходимым, включая продовольствие, фураж, топливо, оружие, боеприпасы, обмундирование, конский состав, технические средства, приобрёл определяющее значение для исхода всей войны. Большевистские вожди прекрасно это понимали и действовали соответственно значимости вопроса. Прежде всего в промышленности и снабжении был взят курс на централизацию производства и распределения, широкое применение чрезвычайных мер политики «военного коммунизма». Плановое снабжение РККА продовольствием осуществлялось за счёт продразвёрстки, под которую в 1918-м подпадали хлеб и зерновой фураж, а в 1919–1920 годах — все продукты сельского хозяйства при условии запрета торговли⁶¹. В 1918-м большевиками был проведён целый комплекс важнейших мероприятий: осуществлена национализация и мобилизация военной и других отраслей промышленности, централизовано управление ею, взяты на учёт квалифицированные рабочие кадры, проведена в жизнь милитаризация труда (перевод рабочих и служащих на положение мобилизованных с прикреплением к предприятиям, самовольное оставление которых приравнивалось к дезертирству). На советской территории к сентябрю 1919 года действовало 59 военных заводов, 330 предприятий обеспечивали интендантское снабжение армии. К маю 1920-го красноармейским пайком обеспечивались 226 000 рабочих.

Антибольшевистские силы в своём распоряжении военных заводов практически не имели, рассчитывая на поставки союзников и трофеи. В Сибири военной промышленности не было вообще. Когда красные захватили Луганский патронный завод, казаки при отступлении сумели вывезти лишь 600 000 патронов и 200 000 рублей⁶². Ранее завод находился на территории независимой Украины и также был недоступен для белых. Пермский оружейный завод белые захватили лишь в конце 1918 года, но производительность его по сравнению с дореволюционным периодом резко упала. Немногочисленные имевшиеся в распоряжении белых предпри-

Советский плакат. 1919 г.

ятия работали из рук вон плохо, а ресурсы использовались нерационально.

Такой подход усугубляли внутренние разногласия, раздиравшие антибольшевистский лагерь. Наиболее вопиющий пример — события лета-осени 1918-го в Поволжье, когда правительство Комуча из-за конфронтации с Временным Сибирским правительством предпочло все военные заводы и склады оставить красным, чем эвакуировать их на восток с перспективой отдать сибирякам. Красным тогда достались в Казани несколько тысяч пудов пороха и около сотни полевых орудий; в Симбирске — оборудование двух патронных заводов с запасом металла

и полуфабрикатов на 100 млн патронов; в Иващенково — завод взрывчатых веществ, капсюльный завод, артиллерийские склады, запасы взрывчатых веществ на 2 млн снарядов, миллионы пустых и готовых снарядов, взрывателей, втулок и трубок; в Самаре — большой трубочный завод с запасом латуни на 700 тысяч пудов, пороховой завод и т. д.⁶³ При отступлении от Орска, в районе которого заканчивалась железнодорожная линия, весной 1919 года белые не смогли эвакуировать и бросили около 90 000 снарядов — фактически все запасы Отдельной Оренбургской армии⁶⁴. Красные, впрочем, также не смогли воспользоваться этими трофеями в полном объёме и были вынуждены половину уничтожить.

Бойцы петроградского фронта у костра.
1919 г. РГАКФД.

Данные о производстве оружия и боеприпасов на советской территории в 1919 году таковы: было выпущено 460 055 винтовок, 77 560 револьверов, свыше 340 млн винтовочных патронов, 6256 пулемётов, 22 229 шашек, 152 трёхдюймовых орудия, 83 трёхдюймовых орудия других типов (зенитные, горные, короткие), 24 42-линейных скорострельных пушки, 78 48-линейных гаубиц, 29 6-дюймовых крепостных гаубиц, около 185 000 снарядов, 258 аэропланов (ещё 50 отремонтировано). Эти цифры свидетельствуют об огромном потенциале советского военно-промышленного комплекса в это время. В 1920-м было выпущено 426 994 винтовки (около 300 000 отремонтировано), 38 252 револьвера, свыше 411 млн винтовочных патронов, 4459 пулемётов, 230 трёхдюймовых орудий, 58 трёхдюймовых орудий других типов, 12 42-линейных скорострельных пушек, 20 48-линейных гаубиц, 35 6-дюймовых крепостных гаубиц, 1,8 млн снарядов⁶⁵.

Всё это производилось в условиях продовольственного, топливного и транспортного кризиса, нехватки сырья (латуни, свинца и т. д.), инструментов, квалифицированных рабочих, при колоссальной изношенности оборудования за время двух войн. По официальным данным, выпуск винтовок на Тульском и Ижевском заводах в 1919-м составил 39 процентов выпуска 1916 года (пик военного производства в дореволюционной России), в 1920-м этот показатель снизился до 36 процентов⁶⁶. По производству пулемётов Тульский завод, бывший монополистом, в 1919-м давал 57 процентов объёма 1916 года, а в 1920-м — 41,3 процента. Намного хуже обстояло дело с выпуском револьверов — 27 процентов и 21,3 процента уровня 1916-го по 1919 и 1920 годам соответственно⁶⁷. По производству винтовочных патро-

нов Тула в 1919 году вышла на 81,6 процента выпуска 1916-го, в 1920-м выпуск составил 78,4 процента. Симбирский завод в 1919 году давал 15 процентов выпуска 1916 года, а в 1920-м — 20 процентов. Луганский завод, неоднократно переходивший из рук в руки, в 1920-м дал лишь 8 процентов производства 1916 года⁶⁸.

В условиях нехватки оружия и боеприпасов большевики пошли на беспрецедентные меры регламентации. К примеру, в феврале 1919 года Архангельский губвоенкомат требовал от Онежского уездного комиссариата сдать излишки оружия, револьверы могли быть оставлены только членам коллегий военных комиссаров, а членам партии разрешалось иметь по одной винтовке и револьверу. Лучшее отдавали РККА. Необходимые для унифицированного вооружения массовой армии трёхлинейки подлежали сдаче и замене иностранными винтовками⁶⁹.

Несмотря на более низкую плотность огня в Гражданскую войну в сравнении с Первой мировой, не следует забывать, что расход боеприпасов в огромной РККА всё равно был весьма значителен. Для одной только 6-й армии, оборонявшей советский Север, весной 1919 года ежемесячно требовалось 10 000 трёхдюймовых снарядов двух видов⁷⁰. При этом боевые действия на Севере не отличались особой интенсивностью. Только с июля по ноябрь 1919-го РККА израсходовала 197,7 млн русских патронов, 20,9 млн японских патронов, 1,5 млн трёхдюймовых снарядов, 0,2 млн снарядов других калибров⁷¹.

На начало 1919-го дивизии РККА, по сведениям Полевого штаба РВСР, были обеспечены артиллерией лишь на 40 процентов⁷². К 1 мая 1919 года обеспеченность пулемётами составляла 50 процентов штатной⁷³. В

1920-м в среднем на стрелковую дивизию РККА приходилось до 150 пулемётов и до 28 орудий, или 37,5 пулемёта и 7 орудий на тысячу штыков.

В мае 1920 года РВСР считал, что для минимального обеспечения безопасности страны ежемесячный объём производства должен составлять 50 млн патронов и 50 000 винтовок⁷⁴. Этого уровня тогда достичь не удалось, но большевики настойчиво пытались преодолеть патронный кризис. Во второй половине 1920-го, например, было запущено производство патронов на новом Подольском заводе. Нехватка свинца для пуль привела к организации производства пуль из томпака, для чего были выработаны соответствующие чертежи, проведены обширные опыты и новая разработка запущена в массовое производство. Наконец, ближе к концу Гражданской войны, было обращено внимание на необходимость экстренного оздоровления военной промышленности, грозившей при сохранении форсированного производства полностью остановиться, путём снижения объёмов производства и повышения качества продукции.

Тем не менее у советской военной промышленности были впечатляющие достижения. До конца 1919 года в Советской России было выпущено 33 бронеавтомобиля «Остин»⁷⁵. К концу ноября 1920 года успешно прошёл испытания и был запущен в серийное производство первый советский танк, изготовленный по образцу захваченных летом 1919 года у белых двух малых французских танков «Рено». Двигатели для танков изготавливались на заводе АМО, броневые корпуса — на Ижорском заводе, разработка шасси и сборка осуществлялись в Сормово, орудия поставлялись с Путиловского завода. Планировалось выпускать по четыре танка в месяц, а всего Совет военной промышленности заказал 15 штук, производство которых завершилось к концу июня 1921 года⁷⁶. Впрочем, эти танки в Гражданской войне участия уже не приняли. К началу 1922 года РККА имела уже 79 танков, в основном трофейных, 141 бронепаровоз, 321 бронеплощадку (т. е. вагоны бронепоездов), 5 бронедрезин, 47 пушечных и 148 пулемётных бронемашин⁷⁷. Правда, для трофейных танков не хватало запчастей, многие бронепаровозы и бронеплощадки были нетиповыми, что осложняло их эксплуатацию, а ряд бронеавтомобилей имел кустарную бронировку или уже выслужил свой срок.

Наконец, в 1918–1920 годах было построено не менее 558 аэропланов, а несколько сотен старых машин прошли капитальный ремонт⁷⁸. Это количество произведённых аэропланов соответствовало 17 процентам производства 1917 года, но нельзя не признать такие результаты в обстановке разрухи весьма впечатляющими.

Белые же так и не наладили своего производства аэропланов, хотя на юге России были заводы этого профиля, и зависели от поставок союзников⁷⁹. Немалые достижения имелись у красных и в других областях. Так, например, в 1919 году в Советской России было отремонтировано 3387 паровозов, в 1920 году — уже свыше 8000⁸⁰.

Красное командование проявляло заботу о нуждах простых красноармейцев. Например, Троцкий осенью 1919 года писал в ЦК о необходимости тёплой одежды для армии, так как «нельзя требовать от человеческого организма больше, чем он может вынести»⁸¹. При этом вопрос обеспечения армии обмундированием в 1918–1919 годах по объективным причинам стоял наиболее остро. Запасов старой армии, очевидно, было недостаточно, чтобы обеспечить многомиллионную РККА, а богатая хлопком Средняя Азия была отрезана от советского центра вплоть до осени 1919 года (за исключением месячного промежутка в марте–апреле 1919-го, когда в красный центр было отправлено несколько десятков поездов с хлопком⁸²). Текстильная промышленность Советской России по причине отсутствия сырья практически остановилась. Не случайно в документах белых этого периода так часто встречаются упоминания о взятии в плен совершенно оборванных и плохо одетых красноармейцев. Белые же, не имея собственной текстильной промышленности, целиком опирались на поставки союзников.

Тем не менее за вторую половину 1919 года РККА получила 1,5 млн шинелей, 0,7 млн гимнастёрок, 0,6 млн шаровар, 3,8 млн нательных рубаш, 0,7 млн кальсон, 1,8 млн пар обуви⁸³. После возобновления связи с Туркестаном текстильное производство заработало с невиданным размахом. Только в 1920-м были выполнены заказы на поставку в РККА более 3,5 млн шинелей, 5,8 млн пар обуви, более 2,9 млн летних гимнастёрок и 2,7 млн летних шаровар, около 11,7 млн нательных рубаш и 10,7 млн кальсон, 1 млн папах, 1 млн ватных телогреек, 1 млн портянок, 0,8 млн фуражек, 0,7 млн ватных шаровар и т. д.⁸⁴ Ежемесячно в 1920 году производилось 5000 седел для красной кавалерии⁸⁵. При этом намеченные объёмы заказов в большинстве случаев не были выполнены даже наполовину, и Красная армия всё ещё не была в достаточной степени обеспечена обмундированием. Большевики централизовали даже такую отрасль, как производство лаптей для армии, создав Чрезвычайную комиссию по снабжению войск лаптями (Чекволап).

Не будем забывать и о том, что красным достались богатые запасы со складов старой русской армии. Например, лишь на Северном и Западном фронтах, всецело контролируемых большевиками, при демобилизации армии насчитывалось 4806 орудий,

945 858 винтовок, 505,5 млн патронов, 9,2 млн снарядов. Всего же на фронтах при демобилизации армии, по неполным данным, имелось, 11 964 орудия, 2 508 123 винтовки, свыше 1,2 млрд патронов и свыше 28 млн снарядов⁸⁶. Разумеется, довольно проблематично установить, как распределились эти колоссальные запасы во время Гражданской войны. Только по данным на апрель–май 1918 года, на складах Советской России имелось 896 исправных трёхдюймовых орудий, 4902 пулемёта, 1 249 170 винтовок, 687 млн патронов, 3,5 млн гранат для трёхдюймовых орудий и т. д. Кроме того, имелось свыше 300 исправных артиллерийских орудий других систем, включая тяжёлую артиллерию⁸⁷. Снарядного кризиса РККА не знала благодаря запасам Первой мировой⁸⁸, но большевикам предстояло в сжатые сроки решить проблему обеспечения массовой армии винтовками и патронами. Исходных запасов оказалось достаточно, чтобы опереться на них в первой половине войны и успеть, несмотря на разруху и хаос, в 1919 году наладить полномасштабное промышленное производство, сопоставимое с дореволюционным. Запасы различных полуфабрикатов, пороха, селитры и других материалов со времён мировой войны продолжали питать советскую военную промышленность и в дальнейшем⁸⁹.

Отдельную проблему составляло обеспечение армии конским составом, особенно если учесть ту огромную роль, которую конница играла в манёвренной Гражданской войне.

Красноармейцы 7-го автобронеотряда с броневикими. Петроград. 1920 г. РГАКФД.

Передвижной агитпункт Западного фронта.
1919 г. РГАКФД.

Здесь долгое время преимущество оставалось за белыми, которые обладали мощной казачьей конницей и контролировали казачьи районы с большим поголовьем лошадей. Между тем конские запасы были истощены ещё в годы Первой мировой, когда было мобилизовано 1,5 млн лошадей у населения (30% конского запаса, годного для армии), а возвращено не более 10 процентов. Тем не менее в сентябре 1918-го красные провели первую конскую мобилизацию, а к 1 апреля 1919 года набрали уже 281 000 голов. Чтобы окончательно не подорвать сельское хозяйство, истощённое продразвёрсткой, в 1919-м начались закупки лошадей. К сентябрю 1920 года армия получила более полумиллиона голов, что покрывало её потребности на 50 процентов. В общей сложности большевики смогли мобилизовать для нужд армии четверть всего поголовья лошадей, имевшегося на подконтрольной им территории⁹⁰. На фоне массы прочих проблем, которые им приходилось решать, — результат весьма впечатляющий. В итоге была создана мощная стратегическая красная конница, которая уже в 1919 году с успехом действовала против белых.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ

И здесь мы встречаем прежде немыслимые масштабы в самые сжатые сроки! К лету 1919 года для подготовки командных кадров РККА в Советской России были открыты пехотные курсы в Москве, Петрограде, почти во всех губернских и просто крупных городах. Возникли пулемётные курсы в Москве, Ораниенбауме, Пензе, Саратове; кавалерийские — в Петрограде, Твери, Орле, Тамбове, Борисоглебске; артиллерийские — в Москве, Петрограде, Саратове; инженерные — в Петрограде, Орле, Самаре, Казани; электротехнические — в Сергиевом Посаде; газотехнические — в Москве; железнодорож-

ные — в Торжке; военно-топографические и гимнастическо-фехтовальные — в Петрограде; авиашколы — в Москве и Егорьевске, броневая школа — в Москве и т. д. Планировалось открытие военно-хозяйственных курсов. Сроки обучения на пехотных, пулемётных и кавалерийских курсах составляли по четыре месяца на подготовительном и специальном отделениях⁹¹. Очевидно, здесь сказалось наличие в крупных городах сети военных училищ дореволюционной России, однако сводить все достижения в деле подготовки кадров только к этому преимуществу было бы неверно.

Поскольку офицеры военного времени и красные командиры (краскомы), в отличие от старых кадровых офицеров, плохо подходили для занятия высших должностей, нужно было срочно повысить их квалификацию. Для этого с середины 1918 года создавались высшие школы — высшая стрелковая, артиллерийская, кавалерийская, электротехническая, военно-химическая, автомобильно-броневая, военная финансово-хозяйственная, высшая школа дислокации, штабной службы, военной маскировки.

Когда стало ясно, что остро не хватает специалистов Генерального штаба, буквально за два месяца в Москве с нуля была создана и уже в конце 1918 года начала функционировать академия Генштаба РККА с блестящим преподавательским составом. Однако срок обучения в ней был слишком велик для удовлетворения текущих потребностей быстрорастущей армии. В результате была открыта высшая советская школа штабной службы, в которой по программе ускоренной подготовки обучали специалистов для занятия младших должностей Генштаба и выполнения простейшей технической работы. В школу штабной службы командировались бывшие офицеры и

выпускники командных курсов, которые не менее шести месяцев прослужили в РККА и обладали боевым стажем. Предполагалось открыть такие школы при каждом из фронтовых штабов, но полностью реализовать столь грандиозный проект не удалось.

В годы Гражданской войны помимо академии Генштаба также открылись артиллерийская, военно-инженерная и военно-хозяйственная академии, военно-педагогический институт. Сроки обучения в этих вузах исчислялись не месяцами, а годами. Слушатели получали солидную подготовку.

17 июня 1919 года Троцкий издал приказ о создании при каждой армии Южного фронта собственных курсов подготовки комсостава⁹². Были созданы и другие военно-учебные заведения, подчас экзотического и узкоспециального характера. Например, в Кусково открылись курсы подготовки командиров полков, рассчитанные на 100 слушателей⁹³.

Масштабы работы по подготовке командных кадров не могут не впечатлять. К примеру, в декабре 1919-го на одних только Петроградских курсах комсостава обучалось ни много ни мало 8000 человек. В связи с угрозой войны с Финляндией Троцкий росчерком пера распорядился увеличить число курсантов при содействии петроградской коммуны ещё на 2000 человек⁹⁴. Революционеры работали в революционных масштабах! Если бы у Деникина осенью 1919 года существовал не задействованный резерв из 10 000 подготовленных бойцов, какой имел Троцкий на одних только петроградских курсах, он бы имел все шансы взять Москву.

Весной 1918-го красные имели лишь 10 курсов подготовки комсостава, в сентябре — уже 34, в феврале 1919-го — 63, в сентябре — 109, в августе 1920-го — 117⁹⁵. Красных курсантов на 1 августа 1920 года было 43 000 человек, курс обучения составлял шесть месяцев. Ранее было выпущено 28 000 человек со званием красного командира. Всего же численность комсостава РККА достигла 85 000 человек. Таким образом, в Советской России подготовка и переподготовка командных кадров приобрели массовый характер. Красные курсанты были настоящей опорой большевиков и могли решать сложные задачи на угрожаемых участках фронта. Аналогичной разветвлённой системы военно-учебных заведений у белых создано не было.

Не забывали и о рядовых бойцах. Их подготовка с 1918 года велась через Всеобуч (Всеобщее военное обучение). За короткое время во всех рабочих центрах появились отделы обучения и формирования. По замыслу Троцкого, Всеобуч должен был создать крупные войсковые единицы до армий включительно. Первоначальный план, принятый в сентябре 1919 года, предусматривал формирование 131 рабочей

резервной дивизии⁹⁶, однако он был неосуществим. К маю 1919-го в распоряжении начальника Всеобуча имелось 24 000 бывших офицеров и унтер-офицеров, которые и осуществляли подготовку бойцов⁹⁷. Курс обучения был 8-недельным и включал 96 часов занятий без отрыва от производства для подготовки одиночного бойца. Продолжением курса была программа дополнительных учебных сборов на 28 дней, в ходе которой велось обучение уже в составе частей — рот и батальонов. К сентябрю 1920 года 96-часовой курс прошло до 500 000 граждан⁹⁸. В рамках Всеобуча осуществлялась и допризывная подготовка в трудовых школах, которую прошло 60 000 человек, или 10 процентов всех взятых на учёт.

ПРОПАГАНДА

Советская пропаганда периода Гражданской войны традиционно и вполне заслуженно получает самую высокую оценку исследователей. Проведём сравнение. Легендарный плакат Д. С. Моора с мобилизующим призывом «Ты записался добровольцем?», выпущенный в 1920 году тиражом 50 000 экземпляров, и его белогвардейский аналог, интеллигентски вопрошающий «Отчего вы не в армии?». Разумеется, идея плаката не нова, однако художественное воплощение совершенно различно. И здесь белые однозначно проигрывали. Скорее всего, белогвардейский вариант плаката вызывал лишь усмешку и цели не достигал.

В декабре 1919 года совокупный тираж главных советских газет «Бедноты», «Правды» и «Известий ВЦИК» превышал 1 млн экземпляров в день⁹⁹. Во второй половине 1919-го в РККА ежедневно отправлялось 520 674 экземпляра центральных газет (около половины общего тиража), а всего с марта 1919 по февраль 1920 года совокупный тираж газет для РККА составил 142 515 460 экземпляров¹⁰⁰. Помимо этого выпускались армейские газеты, тираж которых достигал 250 000 экземпляров в сутки. А тиражи сибирской белогвардейской прессы даже в лучшие времена не превышали 10 000 экземпляров в сутки для самых крупных газет¹⁰¹. Неудивительно, что, по словам пленных с Северного антибольшевистского фронта, советские газеты поступали в войска белых быстрее, чем их собственные¹⁰². При низком уровне политической сознательности населения интенсивная обработка бойцов напрямую вела к разложению антибольшевистских сил (не стоит забывать и о нелегальной пропаганде в белых войсках), и поднимала боевой дух красноармейцев.

Несмотря на все трудности, в Советской России в 1919 году было выпущено 68,2 млн экземпляров книг и брошюр, а в 1920 году — 47,5 млн: начал сказывать-

ся бумажный голод. В 1918-м в РККА было создано 3033 стационарных библиотеки, в 1919-м — работало уже 7500 и 2400 передвижных, услугами которых пользовались не только красноармейцы, но и местное население. В политуправлении РВСР считали, что «прошедший через Красную армию неграмотный и полуграмотный крестьянин и рабочий должен возвратиться домой грамотным, и он никогда не забудет, что рабоче-крестьянская власть снабдила его самым мощным оружием защиты его собственных интересов — просвещением»¹⁰³. К 1 октября 1919 года большевики открыли 3800 красноармейских школ грамоты, в 1920 году их количество достигло 5950. К лету 1920-го действовало свыше 1000 красноармейских театров. Со свойственным большевикам размахом велась устная пропаганда в войсках, чего не было заметно в антибольшевистском лагере. Лозунги большевиков были понятны и привлекательны для широких масс. Белые же фактически не увязывали свои действия с политической борьбой.

К концу 1920 года партийно-комсомольская прослойка в РККА составляла около 7 процентов, коммунисты составляли 20 процентов командного состава РККА¹⁰⁴. К ав-

густу 1920-го в армии было свыше 278 000 членов партии. За время Гражданской войны на фронте погибло более 50 000 большевиков¹⁰⁵. К сожалению, точная статистика неизвестна, но можно подсчитать, что за годы Гражданской войны погиб примерно каждый пятый находившийся на фронте большевик.

Политический аппарат пронизывал РККА сверху донизу и сыграл важнейшую роль в победе большевиков. Военспец, бывший генерал В. К. Гондель, задававшийся вопросом, нужны ли были комиссары в Красной армии, если от них было столько проблем в военном управлении, пришёл к интересному выводу, что без этого института строительство армии было бы невозможно, так как красноармейская масса, развращённая революционными событиями, просто не приняла бы военспецов: «Естественно, что рабочие, крестьяне и солдаты должны были недоумевать, когда увидели, что те, к беспощадной борьбе с которыми их звали ещё вчера, являлись сегодня руководителями военного дела в Красной армии и только присутствие рядом с этими врагами представителей Рабоче-

Штаб 9-й советской армии и Кавказского фронта. Екатеринодар. 1920 г. РГАКФД.

Заряжание орудия 2-й батареи четвёртого тяжёлого артиллерийского дивизиона под Кронштадтом. 1921 г. РГАКФД.

Крестьянского правительства и господствующей политической партии могло рассеять это недоумение в силу врождённой привычки русского народа без всякой критики подчиняться признаваемой им власти. Как трудна была задача военных комиссаров: они должны были поддерживать авторитет тех, которым не доверяли, к которым относились с подозрением, над которыми были поставлены для явного и тайного контроля. Для этого требовался недюж[ин]ный ум, выдающаяся тактичность, выдержка и чутьё, и на почве непонимания и недомыслия вначале создавались эксцессы, вредные для строительства Красной армии»¹⁰⁶.

Таким образом, Красная армия была превращена большевиками в эффективное средство широкого распространения своих идей в народных массах, а распространение в ней школ грамоты и библиотек делало её привлекательной для наиболее активной части населения, стремившейся к получению хотя бы начального образования и повышению своего общественного статуса.

Отношение населения к Красной армии стало ещё одним важным фактором победы большевиков. Конечно, основная масса была лживденчески настроена по отношению к любой власти и индифферентна ко всему происходящему, однако на некоторую часть повлияли демагогические, но привлекательные лозунги коммунистов. Повышению бо-

евого духа способствовали успехи красных и неудачи белых. Как источник сведений о настроениях красноармейцев большой интерес представляют сводки военной цензуры, занимавшейся проверкой корреспонденции с фронта и на фронт. В красноармейской среде бытовали самые разнообразные и даже взаимоисключающие точки зрения, которые и отражала эта переписка. Тем не менее во многих письмах домой весной 1919 года бойцы выражали готовность сражаться за победу революции и за Советскую Россию, за свободу всего пролетариата, против мирового капитала. В одном из писем были такие слова: «Не сложим оружия, пока не срубим голову всемирному капитализму»¹⁰⁷. Подобные лозунги были понятны красноармейской массе. В некоторых частях, однако, имели место и антисоветские настроения. Подавленное настроение чаще всего возникало вследствие усталости, голода, убавки жалования, прекращения отпусков. Интересно, что не все красноармейцы были готовы к вводимой большевиками суровой дисциплине. Не случайно, например, в одном из писем цензором была выделена такая фраза: «Настроение в войсках, особенно в пехоте, неважное, боятся открыто высказаться, но все против Советской власти. Вводится почти старая дисциплина»¹⁰⁸.

Свою роль в переломе настроений в пользу красных сыграло хаотическое со-

стояние белого тыла, население которого жаждало порядка. В то же время при безразличном отношении населения жёсткие меры большевиков позволяли им поставить безразличных в свою армию и давали неоспоримое преимущество.

Среди косвенной пропаганды, поднимавшей боевой дух, можно отметить и наградную политику красных, также отличавшуюся размахом. К осени 1920 года в РККА было 1866 награждённых орденом Красного Знамени, а почётным революционным Красным знаменем или орденом Красного Знамени на знамя были отмечены 92 воинских части¹⁰⁹.

РЕПРЕССИИ

Строгая дисциплина была одним из принципов построения Красной армии, но, разумеется, этот принцип был проведён в жизнь далеко не сразу. Тем не менее с того момента, как заработал механизм всеобщих мобилизаций, примерно с осени 1918 года, можно говорить о существенном ужесточении дисциплины в РККА. Без мощного и эффективного карательного аппарата большевики просто не смогли бы поставить под знамёна миллионы крестьян, развращённых событиями 1917-го, и успешно проводить массовые мобилизации. Разумеется, насилие было не единственным, но одним из значимых факторов успеха большевистской мобилизации.

Репрессии в Советской России и в Красной армии отличались широким размахом, однако влияние этого фактора неоднозначно. Немалый процент репрессий носил необоснованный характер, вызывал пассивность и страх командного состава, выводил из активной работы ценных специалистов. В то же время репрессии имели громадное воспитательное и мобилизующее значение, повышали дисциплину и служили средством устрашения нелояльных элементов.

В секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», подписанной Троцким 9 августа 1919 года, говорилось о принципах карательной политики: «Все руководящие учреждения армии — Реввоенсовет, Политотдел, Особый отдел, Ревтрибунал должны твёрдо установить и провести в жизнь то правило, что ни одно преступление в армии не остаётся не наказанным. Разумеется, кара должна быть строго сообразована с действительным характером преступления или проступка. Приговоры должны быть таковы, чтобы каждый красноармеец, читая о них в своей газете, ясно понимал их справедливость и необходимость для поддержания боеспособности армии. Наказания должны следовать как можно скорее за преступлением»¹¹⁰. Важным психологическим фактором были неотвратимость и публичность наказания, тогда как в белом лагере этот вопрос находился в хаотическом состоянии.

Конечно, приобретшее массовый характер и колоссальные масштабы дезертирство (с учётом того, что всего задержано было 2,6 млн дезертиров¹¹¹, их общее количество должно было быть ещё выше) не было искоренено до конца, однако уже к лету 1919-го удалось добиться значительных успехов. Немаловажно, что дезертирство красноармейцев совсем не обязательно вызывалось нежеланием служить в Красной армии: были у него и объективные причины. Например, голод. Положение голодавших красноармейцев было трагическим и безвыходным. В письмах с фронта домой упоминалось о расстрелах за воровство продуктов питания (например, картофеля) у гражданского населения¹¹². Создавался своего рода замкнутый круг: за воровство продуктов расстреливали, но продовольствием не всегда обеспечивали. В целях выживания некоторые красноармейцы меняли на еду казённое обмундирование, а кто-то занимался попрошайничеством.

Борьба с дезертирством была централизована и сосредоточена с 25 декабря 1918 года в Центральной временной комиссии по борьбе с дезертирством из представителей военного ведомства, партии и НКВД. Местные органы были представлены соответствующими губернскими комиссиями. Только при облавах на дезертиров в 1919–1920 годах было задержано 837 000 человек. В результате амнистий и разъяснительной

работы с середины 1919 по середину 1920 года добровольно явились более 1,5 млн дезертиров. Однако применялись и крайние меры. О расстрелах дезертиров прямо на железнодорожных станциях писали красноармейцы домой с фронта¹¹³.

Жёсткие дисциплинарные меры были нормой в повседневной жизни Красной армии. Во многих случаях только суровыми мерами можно было добиться выполнения приказов, тем более что солдатская масса и даже часть офицерства подверглась разложению ещё в 1917 году и прежние принципы управления, распространённые у белых, практически не работали. Например, командующий 8-й армией В. В. Любимов летом 1919 года у командира вновь присланной дивизии интересовался в первую очередь тем, сформированы ли в его дивизии заградотряды и ревтрибунал¹¹⁴. Эти меры считались необходимым условием успешной боевой работы соединения.

В укреплении дисциплины нуждалась не только рядовая масса, но и комсостав и даже комиссары. Вождь Красной армии Троцкий в этом отношении был готов идти до конца, вплоть до расстрелов партийных работников. Именно по его распоряжению был расстрел командира 2-го Петроградского полка Гнеушева, комиссара полка Пантелеева и каждого десятого красноармейца, которые с частью полка бросили позиции и бежали на пароходе из-под Казани летом 1918 года¹¹⁵. Этот случай вызвал дискуссию в партии о допустимости расстрелов партработников и волну критики в адрес Троцкого. Однако, думается, такие шаги вели к укреплению дисциплины, в том числе среди командиров и комиссаров.

Парад моряков в День красного флота.
Петроград. Май 1920 г.

Это резонансное дело даёт основания полагать, что расстрелы членов партии были всё же явлением исключительным и единичным. Ещё одним средством устрашения, фактически не нашедшим, однако, реального применения в Красной армии, стали распоряжения о взятии в заложники семей перебежчиков из числа военспецов¹¹⁶. Спустя несколько лет после Гражданской войны Троцкий комментировал смысл подобных суровых приказов (в первую очередь, приказов о расстрелах комиссаров): «Это не был приказ о расстреле, это был тот обычный нажим, который тогда практиковался. У меня здесь есть десятки такого же рода телеграмм Владимира Ильича... Это была обычная в то время форма военного нажима»¹¹⁷. Итак, речь шла в первую очередь об угрозах.

Надёжным способом укрепления дисциплины считались массовые публичные расстрелы в армии. Приведём несколько примеров. В период с 13 по 16 февраля 1919 года Реввоентрибунал 5-й армии Восточного фронта рассматривал дело о происшествии в 4-м Пензенском стрелковом полку. Четыре взвода 5-й роты этого полка перешли на сторону колчаковцев, предварительно проведя с ними переговоры посредством переписки. Ещё одна рота не смогла перейти к белым. Кроме того, первый батальон полка самовольно оставил позиции, в результате чего противник прорвался на участке батальона. Реввоентрибуналом было вынесено постановление: полк расформировать, боеспособные взводы, роты и команды переподчинить; весь командный состав 9-й роты, готовившейся перейти к белым, до отделённых командиров включительно, арестовать и расстрелять через каждого пятого после установления наличия организации, поддерживавшей связь с белыми; красноармейцев 9-й роты расстрелять через каждого двадцатого, виновных в невыполнении

приказов из первого батальона также расстрелять. Всего подлежало расстрелу 57 человек. Приговор должен был быть приведён в исполнение 16 февраля 1919 года на глазах всех подразделений полка¹¹⁸. Массовая казнь должна была произвести на красноармейцев самое серьёзное впечатление, отбив раз и навсегда стремление переходить к противнику. За невыполнение приказов военно-полевой суд 5-й армии 15–17 февраля 1919 года постановил расстрелять 15 человек в 1-м Пензенском стрелковом полку, сверх этого многие признанные виновными были приговорены к различным срокам тюремного заключения¹¹⁹.

Широко известен расстрел большой группы красноармейцев и командиров Первой Конной армии, виновных в массовых еврейских погромах на Украине осенью 1920 года¹²⁰. 9 октября 1920 года РВС этой армии издал приказ о расформировании полков, личным составом которых были совершены эти преступления. Арестам подверглось 387 человек, в основном из 6-й кавалерийской дивизии И. Р. Апанасенко. На открытых судебных заседаниях чрезвычайной выездной сессии ревтрибунала в Елисаветграде 21–23 октября 1920 года 141 погромщик, включая 19 представителей комсостава, был приговорён к расстрелу (впрочем, 31 человеку расстрел заменили заключением), прочих осудили на различные сроки лишения свободы. Сверх этого было расстреляно ещё 57 человек¹²¹. По предположениям некоторых

исследователей, расстрельные приговоры по этому делу выносились и позднее, причём всего могло быть расстреляно до 400 бойцов и командиров¹²². Тем не менее для полного оздоровления Первой Конной этих мер оказалось недостаточно. Всего же в 1920 году по решениям военных трибуналов было расстреляно 6543 человека¹²³.

ПОЧЕМУ НЕ ДОШЛИ ДО ГАНГА?

Но мы ещё дойдём до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

Павел Коган

Несмотря на размах постановки военного строительства, несмотря на ошеломляющие победы, большевики всё же так и не смогли добиться успеха в практическом воплощении своих идей мировой революции. Подобные идеи были привлекательны при их обсуждении в ЦК, однако попытки реализации этих наполеоновских планов всё расставили по местам.

Прежде всего большевики столкнулись с активным нежеланием соседних государств, их населения, а тем более элит участвовать в мировой революции, с противодействием своим планам, всплеском национализма и патриотизма (например, в Польше и в странах Востока), со значительными различиями в местных условиях для осуществления революций (например, даже в соседних Персии и

Турции¹²⁴, не говоря уже о различиях между странами Европы и Азии). Сотрудничавшие с большевиками представители других стран нередко вели двойную игру, выдавая себя за революционеров, но будучи на самом деле местными националистами, стремившимися решить собственные проблемы за счёт большевиков. Один только учёт местной специфики создавал множество проблем и требовал наличия соответствующих специалистов¹²⁵. Координация столь масштабных действий и одновременное планирование революций сразу во многих странах оказались задачами, которые технически реализовать было невозможно. Для экспорта революции нужны были колоссальные ресурсы, которых большевики не имели.

При этом внутри Советской России к концу Гражданской войны было далеко не благополучно. Партию раздирали противоречия, а после первых неудач в Польше и Персии в 1920 году в партийном руководстве появилось разочарование в осуществимости планов мировой революции. Солдаты Красной армии, воевавшие уже по многу лет, сильнее всего устали от войны и были далеки от идей мирового переустройства, которые исповедовали большевистские вожди-доктринёры. Советская Россия оказалась истерзанной многолетним гражданским противостоянием, а впереди маячила угроза новой затяжной войны со всем миром, включая ведущие державы-победительницы в Первой мировой с их колоссальными ресурсами.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 130.
2. Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронте и на революцию (1907–1917). М. 2003; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М. 2003.
3. Первое Советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918. М. 1991. С. 71.
4. Соломон Г. А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М. 2007. С. 261–262.
5. ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 128.
6. Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М. 1963. С. 35.
7. РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.
8. М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М. 1965. С. 74.
9. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 87.
10. Там же. Л. 534.
11. Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии в свете современных проблем российского федерализма. Уфа. 2004. С. 49–50.
12. Тоған З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру. М. 1997. С. 251.
13. См., напр.: Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М. 1969. С. 466.
14. Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М. 1990. С. 115.
15. Троцкий Л. Моя жизнь. М. 2001. С. 405.
16. Троцкий писал 16 октября 1919 года командующему 7-й армией Д. Н. Надёжному: «При таких условиях представляется безусловно необходимым организовать внутреннюю оборону Петрограда. Если вспомнить, что адмиралу Думбадзе (на

самом деле адмирал Ф. В. Дубасову. — А. Г.) понадобилась чуть ли не целая неделя, чтобы усмирить Москву в декабре 1905 года, хотя во всей Москве было едва ли более тысячи вооружённых революционеров, занявших ряд важных зданий, то совершенно очевидно, что несколько тысяч прорвавшихся белогвардейских войск будут совершенно загнаны, измотаны, затравлены и уничтожены в Петрограде при сколько-нибудь разумной организации внутренней обороны в течение одного-двух дней, а за это время успеют подойти достаточные подкрепления извне... Если бы белые прорвались в город, они бы здесь испарились и исчезли, как брызги воды на накалённой плите»//РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446–447.

Советский чиновник-невозвращенец Г. А. Соломон, резко критически настроенный в отношении Троцкого, подверг этот приказ устам Л. Б. Красина критике, как «верх растерянности и глупости». — Соломон Г. А. Указ. соч. С. 195. Думается, эта критика несостоятельна и основана на преувеличении сил и возможностей Северо-Западной армии Н. Н. Юденича, которая бы погибла в Петрограде в условиях тактики выжженной земли, предложенной Троцким.

17. Троцкий Л. Моя жизнь. С. 407.

18. Там же. С. 419.

19. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 446.

20. Например, основой формирования штаба Беломорского военного округа послужили кадры штаба Юго-Западного фронта старой армии (в Архангельск прибыли 57 человек во главе с бывшим вр.и.д. начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н. Н. Петиним)//РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 20. Штаб 1-й армии Северного фронта переформировывался в Самаре в штаб Приволжского военного

округа//Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига. 1930. С. 245.

21. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 16.

22. Отчёт народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М. 1925. С. 12, 16//РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167.

23. Кляцкин С. М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. М. 1965. С. 336.

24. Там же. С. 247.

25. Там же. С. 156–157.

26. Состояние Московского Военного Округа к 15 ноября 1918 г. Доклад Совету Рабочей и Крестьянской Обороны и Революционному Военному Совету Республики. М. 1918. С. 10.

27. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 5.

28. Там же.

29. Каменев С. С. Указ. соч. С. 73.

30. Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб. 1992. С. 77.

31. Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история Гражданской войны в России 1918–1920 годов. М. 2004. С. 79.

32. Каменев С. С. Указ. соч. С. 73.

33. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 559.

34. Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Указ. соч. С. 79.

35. РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 258–258 об.

36. Воронович Н. Меж двух огней (Записки зелёного)//Архив русской революции. Т. 7. Берлин. 1922. С. 172.

37. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 4.

38. Там же. Л. 7–8.

39. Мовчин Н. Комплектование Красной армии (исторический очерк). М. 1926. С. 101.

40. Там же. С. 228.

41. Кляцкин С. М. Указ. соч. С. 463.

42. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М. 2001. С. 138.

43. Отчёт народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 49.

44. Евсеев Н. Конница в разгроме белых на Урале в 1919 г. М. 1934. С. 8.

45. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М. 1988. С. 176.

46. Отчёт народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 92.

47. См., напр.: Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. 2009. С. 188–189.

48. Интересно, что в 1920 году даже врангелевские офицеры произносили тосты за взятие Красной армией Варшавы//Мельтюхов М. Советско-польские войны. М. 2004. С. 134.

49. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.

50. Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 46.

51. Там же. Л. 46 об.

52. Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 567.

53. Там же. Ф. 7. Оп. 5. Д. 180. Л. 330, 338–339.

54. Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 34 об.

55. Окружной военный комиссариат.

56. РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 21. Л. 311.

57. Каменев С. С. Указ. соч. С. 72.

58. ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

59. Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 18.

60. Каменев С. С. Указ. соч. С. 77.

61. Гражданская война в СССР. Т. 2. Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (Март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М. 1986. С. 37.

62. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 2 об.

63. Там же. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 70. Л. 156–158 об. См. публикацию этого документа: Малоизвестная страница истории гражданской войны на востоке

Помимо этого в 1921 году Советская Россия оказалась охвачена массовым голодом. Ширилось протестное движение крестьянства. Военная промышленность требовала срочного оздоровления путём сокращения объёмов производства и обновления материально-технической базы, при прежнем форсированном подходе она грозила полной остановкой. Для продолжения войны нужно было преодолевать разруху, транспортный и топливный кризис. Совокупность всех этих проблем оказалась в итоге непреодолимой, и большевики были вынуждены перейти к укреплению своего положения внутри страны, демобилизации многомиллионной армии и к постепенному свёртыванию авантюристического курса на экспорт революции посредством прямых военных вторжений.

ИТОГО

Не нужно идеализировать РККА. Понятно, что при обрисованных выше масштабах и валовых показателях по всем вопросам неизбежны были и очень серьёзные упущения, к которым относится низкий уровень подготовки красных командиров, грубость и некомпетентность комиссаров, раздутость штабов, необоснованные и часто бессмысленные репрессии и жестокости, массовое и трудно преодолимое дезертирство, слабая подготовка бойцов, нехватка топлива, боеприпасов и стрелкового оружия для многомиллионной

армии. Как отмечал Вацетис: «Едва ли можно было требовать, чтобы РККА была в то время (конец 1918 года. — А. Г.) такой, какой рисуют её на юбилейных торжествах. Надо иметь в виду, что Красная Действующая армия строилась из колоссальной военной разрухи, при крупных спорах и расхождениях, которые к концу года (1918. — А. Г.) ещё не были изжиты»¹²⁶. Тем не менее большевистское руководство не позволило этим упущениям перечеркнуть достижения.

И совершенно неверно утверждение белого автора, что якобы «все военные успехи красной армии можно приписать исключительно её численности»¹²⁷. В это наивное объяснение очень хотелось верить ветеранам Белого движения, чтобы закрыть глаза на более глубокие и более серьёзные причины победы красных и собственных неудач. Достаточно отметить, что красные превосходили своих противников практически во всём: от численности армии и масштабов заготовок для неё до качества системы учёта военных специалистов, количества выпущенных листовок и числа расстрелянных врагов. Фатальные ошибки белых лишь усиливали этот разрыв. Неудивительно, что новая сила в итоге и одержала верх.

Большевики были фанатиками своего дела. Для достижения поставленной цели они не останавливались ни перед чем, включая самые жестокие меры. Фактически против белых ими была развёрнута тотальная война (отличительными чертами которой как раз и

были системность, масштабность и централизация, указанные нами в качестве базовых принципов военной политики красных), тогда как антибольшевистскому лагерю, опиравшемуся на традиционализм и дореволюционные принципы администрирования, было нечего противопоставить красным. В этом отношении противоборствующие стороны были в совершенно неравных условиях. Это была борьба старой и новой системы ценностей, старого и нового миропонимания, многовековых традиций и условностей с молодой беспринципностью, жестокостью и решимостью. Некоторые противники большевиков смогли понять это. Как справедливо писал Генштаба генерал-майор Э. Г. фон Валь, «в борьбе на жизнь и смерть безнадежно держаться за джентльменскую шпагу, когда кругом действуют дубинами»¹²⁸. И не вина белых, что они не могли стать другими.

В качестве финального аккорда вполне подходят слова из дневника фон Лампе, датированные 19–20 апреля 1920 года (по старому стилю): «Я когда-то собирался писать «Этапы разрухи». Тогда я думал, что последней главой будет «Доблестная», ну а теперь вижу, что это дольше и значительно сложнее. Меня очень интересует сущность Красной армии. Создана она была социалистическим бредом, но борьба с нами, ввод в неё настоящих офицеров и постепенное возвращение к дореволюционным порядкам, — это тоже глава в той же книге, о которой я мечтаю»¹²⁹...

России. Публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 62–67.
64. РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 140. Л. 25.
65. Таблицы и диаграммы к отчёту о деятельности Совета военной промышленности за 1919 и 1920 гг. М. Б. Г. С. 3–5, 7–10; Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док.
Т. IV. Материалы, указатели. М. 1978. С. 406–407; Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. док. и мат.
Т. 3. Февраль 1920 — октябрь 1922. М. 1961. С. 168–170; Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М. 1970. С. 383.
66. Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.). Т. 2. Сб. док. М. 2005. С. 213.
67. Там же. С. 214.
68. Там же.
69. Государственный архив Архангельской области. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 68.
70. РГВА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 9. Л. 69.
71. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. Т. IV. С. 393–394.
72. Советское военно-промышленное производство. С. 89.
73. Коваленко Д. А. Указ. соч. С. 253.
74. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. Сб. док. М. 2000. С. 79.
75. Барятинский М., Коломиец М. Броневые автомобили «Остин». М. 1997. С. 30.
76. Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 247; Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С. Танки Гражданской войны. М. 1999. С. 4–6.
77. Отчёт народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 133.
78. Хайрулин М., Кондратьев В. Военные погубители Империи. Авиация в

Гражданской войне. М. 2008.
С. 89–90, 92.
79. Автор благодарит за консультацию известного исследователя истории отечественной авиации М. А. Хайрулина.
80. Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 610.
81. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 410.
82. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 196. Л. 107.
83. Кляцкин С. М. Указ. соч. С. 409.
84. Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 249; Таблицы и диаграммы к отчёту о деятельности Совета военной промышленности за 1919 и 1920 гг. С. 13.
85. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. С. 126.
86. Коваленко Д. А. Указ. соч. С. 117.
87. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. Т. IV. С. 355–356.
88. Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Указ. соч. С. 209.
89. Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.). С. 251.
90. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 5 об.—6.
91. РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 323.
92. Там же. Л. 435.
93. Там же. Л. 481.
94. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 570–571.
95. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7 об.
96. Кляцкин С. М. Указ. соч. С. 266.
97. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
98. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 10.
99. История СССР с древнейших времён до наших дней. Вторая серия. Т. VII. Великая Октябрьская Социалистическая революция и Гражданская война в СССР 1917–1920 гг. М. 1967. С. 684.
100. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М. 2002. С. 136–137.

101. Молчанов Л. А. Газетный мир антибольшевистской России. М. 2001. С. 28–29.
102. РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 392. Л. 101.
103. Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. док. и мат. Т. 2. Март 1919 — февраль 1920. М. 1961. С. 821.
104. Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 46.
105. Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Указ. соч. С. 205.
106. РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.
107. РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 272 об.
108. Там же. Л. 273.
109. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7 об.
110. РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256 об.
111. Мовчин Н. Указ. соч. С. 133. В другой работе этого же автора допущена явная ошибка в расчётах в сторону существенного увеличения числа задержанных // Мовчин Н. Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: В 3 т. / од общ. ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 2. Военное искусство Красной армии. М. 1928. С. 83. Эта ошибка позднее переключалась в современное исследование о военных потерях России и СССР в 20 веке — Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 134.
112. РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 386.
113. Там же. Л. 312 об.
114. Там же. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 39.
Подробнее о заградотрядах см.: Дайнес В. О. Штрафбаты и заградотряды Красной армии. М. 2010.
115. Подробнее об этом см.: Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М. 1990. С. 70–74; Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия. Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.; Л. 1925. С. 20.

116. Подробнее см.: Ганин А. В. «Измена и предательство повлечёт арест семьи...» Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75.
117. Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М. 2000. С. 446.
118. РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 147–147 об.
119. Там же. Л. 150.
120. Подробнее см.: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сб. док. М. 2007. С. 422–428; Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. 2005. С. 479–493.
121. Генис В. Л. Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 73.
122. Присяжный Н. С. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году (Малоизвестные страницы истории). Ростов-на-Дону. 1992. С. 19.
123. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1648. Л. 1.
124. Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М. 2009. С. 348.
125. См., напр.: Тихонов Ю. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М. 2008.
126. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 960.
127. Критский М. Красная Армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым Корпусом Добровольческой Армии) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин. 1926. С. 280.
128. фон Валь Э. Г. Как Пилсудский погубил Деникина. Таллин. 1938. С. XV–XVI.
129. ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.